

Глава 1162: Последний ужин и разговор

‘Пусть так и будет’. Случится ли счастливое заключение или нет, сначала было необходимо завершить дело перед их глазами.

Как и сказал Шан Синчжоу, перед глазами всех был Город Сюэлао.

Пока Город Сюэлао становился все ближе и ближе, расстояние между Чэнь Чаншэном и той маленькой повозкой было все меньше и меньше. Сейчас она была всего в десятке ли, и он мог ясно видеть человека внутри.

Она остановилась у склона другой маленькой горы. На том склоне было высохшее дерево, на ветвях которого сидело несколько галок. Их глаза не были красными, так что они, вероятно, никогда не ели человеческую плоть.

Маленькая повозка стояла под деревом. Молодой мальчик-даосист сидел на земле, копая что-то.

Чэнь Чаншэн вдруг сказал: «Я думаю, что Белый Журавль обманул тебя».

Сюй Южун держала руки вокруг своего пояса и носила простое платье. Она повернула голову и спросила: «Обманул насчет чего?»

После некоторых колебаний Чэнь Чаншэн сказал: «Я не был таким красивым, когда был маленьким».

Сюй Южун улыбнулась: «Завидуешь?»

Чэнь Чаншэн посмотрел на далекий горный склон, мягко застонав.

Сюй Южун ответила: «Вероятно, только твой старший брат и тот человек знают, как ты выглядел, когда был маленьким. Когда у тебя появится шанс, тебе стоит спросить».

Этот шанс пришел раньше, чем ожидалось.

Одним вечером Шан Синчжоу прислал сообщение, прося Чэнь Чаншэна прийти.

Учитель и ученик съели несколько папай, зажаренных молодым мальчиком-даосистом, что послужило их последним ужином. А затем они начали разговор.

В начале этого разговора они не обсуждали Город Сюэлао, который был прямо перед ними, или срочное дело столицы, и определенно не ностальгировали об их жизни старого храма Деревни Синин.

Стиль этого разговора был подобен отношению Шан Синчжоу к миру, а также был немного похож на путь меча Чэнь Чаншэна: прямой и скрытый в глубоком презрении.

«Белый Император однажды сказал, что никто на этом континенте не станет доверять мне. В этом я уступаю тебе».

Шан Синчжоу добавил: «Но все это потому, что вы все молоды, с безграничными возможностями, а я уже стар».

Казалось, что между этими двумя утверждениями не существовало логической связи.

Чэнь Чаншэн тихо слушал.

«Когда смерть, величайший страх из всех, прямо перед глазами, любому будет сложно сбежать».

Шан Синчжоу продолжил: «В этом аспекте я значительно уступаю тебе. Я сильно встревожен, так что в некоторых делах в несколько прошлых лет я вел себя с чрезмерной спешкой».

Чэнь Чаншэн был уверен, что понимал.

Оказывается, что за презрением были скрыты какие-то другие вещи.

Это служило объяснением, и даже можно было считать извинением, но если сказать проще, это были вещи, которые Шан Синчжоу никогда не сможет сказать прямо.

Таковыми были старейшины.

Чэнь Чаншэн вдруг почувствовал себя довольно грустно, больше не желая продолжать эту тему.

«Мне кажется, что в этой ситуации что-то не так».

Шан Синчжоу ни капли не был обеспокоен восстанием в столице, а Чэнь Чаншэн тоже не особо беспокоился. Их действительного внимания все еще требовал Город Сюэлао.

Демоны проиграли слишком быстро.

Так думали не только учитель и ученик. Это был взгляд, разделяемый всеми уровнями общества.

В начальном плане люди приготовились сражаться три года, возможно, даже больше, но они закончили войну за полгода.

Это вызывало беспокойство Чэнь Чаншэна.

«Черная Роба могла что-то задумать, но она никогда не преуспееет. Те, кто привык к загадочности, просто не имеют понимания истинной стратегии. В конце концов, они умрут в мышиной дыре их загадки. Триста лет назад, если бы не Ван Чжицэ, я и твой боевой дядя уже убили бы ее. Она даже не достойна упоминания».

У Шан Синчжоу была невероятно строгая оценка самого прославленного Военного Советника Демонов. Не просто потому, что у него было право оценивать ее стратегию и загадку, а потому, что он и Черная Роба тихо обменивались ударами в течение столетий и были невероятно хорошо знакомы друг с другом.

Он вынул фарфоровый флакончик и дал его Чэнь Чаншэну: «Эффект этого лекарства не хуже, чем у Киноварной Пилюли, но у него простой рецепт. Основной ингредиент - огонь духов предков под Городом Белого Императора».

Чэнь Чаншэн на миг замер при этих словах. Открыв флакончик и понюхав, он неуверенно спросил: «Золотая Денежная Шерсть из Монастыря Вечной Весны?»

Шан Синчжоу подтвердил: «Верно».

Сбитый с толку Чэнь Чаншэн сказал: «Я тогда и правда думал контролировать силу лекарства при помощи этого растения, но...»

Шан Синчжоу спросил: «Я обучил тебя искусству медицины. Ты думал, что сможешь превзойти меня?»

Чэнь Чаншэн почувствовал себя немного подавленным при этих словах, а затем стал счастливым, думая, что было вовсе не удивительно, что в этот раз было намного меньше потерь.

Шан Синчжоу сказал: «Прекрати производить Киноварные Пилюли. Ты - не женщина, так почему ты кровоточишь каждый месяц?»

Чэнь Чаншэн снова подавился словами. Его челюсть слегка отвисла, и он не мог найти слов в ответ.

Шан Синчжоу по какой-то причине немного злился из-за его внешнего вида: «Это все. Уходи».

Он все еще был строгим и иногда невероятно холодным.

Чэнь Чаншэн вдруг вспомнил, как, когда он жил в старом храме Деревни Синин, эмоции его учителя всегда оставались между холодным безразличием и строгостью, как в этом разговоре.

Он намного чаще был строгим, чем был холодным.

Шан Синчжоу был холодным к молодому Чэнь Чаншэну именно потому, что боялся, что ему начнет нравиться этот молодой мальчик-даосист, которого он растил.

Потому что он знал, что использует Чэнь Чаншэна.

Позже он так ненавидел Чэнь Чаншэна именно потому, что ненавидел ту часть себя, которая относилась к Чэнь Чаншэну.

Учитель и ученик знали это, и они говорили об этом в Ортодоксальной Академии и Мавзолее Книг. Не было надобности упоминать это сейчас.

Шан Синчжоу в настоящее время, вероятно, был очень благословлен, потому что ему больше не надо было беспокоиться о чувствах к молодому даосисту, которого он растил.

Когда Чэнь Чаншэн посмотрел на того молодого мальчика-даосиста за повозкой, чье лицо почернело от дыма огня, Чэнь Чаншэн подумал про себя, что этот мальчик тоже был благословлен.

Перед уходом он наконец-то не смог удержаться.

«Учитель, я был красивым, когда был маленьким?»

Шан Синчжоу задумался над вопросом, отвечая: «Полагаю, ты был славным мальчиком».

.....

.....

«Оба твоих ученика довольно хорошо отнеслись к тебе».

После того, как Чэнь Чаншэн покинул горный склон, с задней части горы вернулся Старый Хозяин Танг.

После прибытия на фронт Старый Хозяин Танг не оставался с кланом Танг, а проводил каждый день с Шан Синчжоу.

Шан Синчжоу ответил: «Как будто ты не знаешь, как эти два плута хозяйничали мной около десяти лет назад».

Старый Хозяин Танг вздохнул: «Это все еще большее благочестие, чем в случае моего внука. Это маленькое животное чуть не разорвало зал предков клана».

Шан Синчжоу посмотрел на него и сказал: «Что ты хочешь сказать?»

Старый Хозяин Танг искренне спросил: «Ты все еще в порядке?»

Шан Синчжоу затих на некоторое время: «Не очень хорошо».

Старый Хозяин Танг повернулся к Городу Сюэлао, освещенным под светом звезд: «Все уже пришло к этому. Ты должен подождать еще немного».

Шан Синчжоу ответил: «Все те люди, которых я сопровождал в мир иной, не смогли увидеть это, так что я, естественно, обязан».

.....

.....

Армии людей не отступили на юг. Они продолжили готовиться к последней атаке. Западная и Восточная Армии продолжали зачищать крепость и форты в круге вокруг города, но было невозможно полностью подавить новости о восстании. Это быстро распространилось, и атмосфера в лагерях становилась все более напряженной.

Возможно, потому что Лорд Демонов узнал о внутренней борьбе среди людей, демоны несколько раз отправляли волчью кавалерию на контратаку, но они были твердо отбиты армиями людей. К раздражению людей у высшего общества демонов все еще не было намерений бросать Город Сюэлао, но было невозможно сказать, что они думали.

Одним утром, в пять часов утра, Чэнь Чаншэн открыл глаза, пробуждаясь ото сна. Успокоив свое дыхание за время пяти вдохов, он выбрался из постели, после чего Ань Хуа помогла ему надеть одежду и обувь. Он умылся и прополоскал рот, а затем вышел из палатки. Пройдя несколько раз вокруг холмов, где Центральная Армия установила свои палатки, он устался на окутанный туманом Город Сюэлао.

Даже после того, как его судьба была изменена в Мавзолее Книг, его жизнь все еще была простой, аскетической и здоровой, но она была не такой строгой и дисциплинированной, как десяток лет назад.

По правде говоря, он уже давно не просыпался так рано.

В шесть утра проснулась Сюй Южун, и они вместе позавтракали.

Съев две миски овсяной каши, Сюй Южун решила еще немного поспать. Чэнь Чаншэн почувствовал себя немного усталым, решив продолжить прогуливаться.

Взошло утреннее солнце, и туманы развеялись. Он почувствовал вибрацию на запястье, после чего услышал голос Лоло.

Чэнь Чаншэн еще раз взглянул на все более отчетливые очертания Города Сюэлао, а затем подошел к горному склону в десятке ли.

Он встал перед повозкой и сказал: «Время пришло».

После мгновения тишины Шан Синчжоу приказал: «Войти в город».

<http://tl.rulate.ru/book/1222/363537>